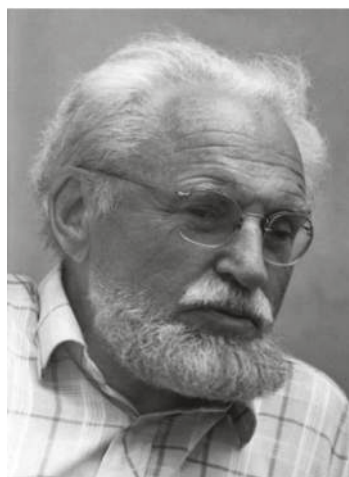

Есть мнение, что все искусства – музыка, литература, живопись – призваны нести людям одни и те же вечные идеалы, только каждая эпоха требует своего языка, понятного живущим поколениям. Сегодня, как и сто, и тысячу лет назад, на нашей земле противостоят разные силы, и каждый человек, вольно или невольно выбирает свою позицию в этой борьбе. Так сложилось, что весь двадцатый век Россия находилась в эпицентре событий мировой истории, поэтому полученный нами опыт бесценен для понимания происходящего и в наши дни. Люди, воспитанные в то время, сегодня стоят сейчас «у руля» страны.

В латинском языке есть выражение *genius loci* – гений места, которое можно отнести к человеку, придавшему уникальнейший облик месту своей деятельностью. Именно такую неповторимую атмосферу свободы мысли и творчества, так необходимую для воспитания будущих учёных и достойных граждан, удалось создать в Ленинградском университете в годы своего ректорства блестящему учёному и организатору, академику Александру Данило-

² Светя другим, сгораю сам. (*лат.*)

вичу Александрову, двадцать лет со дня смерти которого исполняется в этом году.

Эта статья написана выпускником Ленинградского университета, д.ф.-м.н. Морозовым Владимиром Николаевичем, обучавшимся на физическом факультете университета в годы ректорства А.Д. Александрова. За прошедшие годы память о встречах и общении с этим по-настоящему выдающимся человеком выступает всё сильнее – ведь всё познается в сравнении.

Личность человека многогранна. К настоящему времени об А.Д.

Александрове написаны многочисленные воспоминания его сотрудниками и учениками, друзьями по альпинистским походам, коллегами по общественной работе, родными и людьми, соприкасавшимися с ним в различных житейских ситуациях. Эмоциональный, почти всегда восторженный тон этих воспоминаний не мог не передаться автору статьи, и я очень благодарен за это всем этим людям. В рамках данной статьи я постараюсь «дать слово» и им, цитируя их воспоминания об Александре Даниловиче. Вынесенное в эпиграф латинское выражение в русском переводе может звучать и как «светя другим, стораю сам», и как «светя другим, совершенствуюсь», и как «светя другим, растворяюсь (в этом свечении)», и все три варианта в этом случае оправданы.

Пространства Александрова

Со школьных лет нам известны “механика Ньютона”, “Эвклидова геометрия”, и “Броуновское движение”. В этих терминах запечатлены имена учёных, открывших новые направления научного познания. В математике, как результат работ А.Д. Александрова, в геометрии сложных поверхностей возникло новое понятие: “пространство Александрова”. Одно это уже служит мерой его вклада в мировую науку.

Личность А.Д. (в среде коллег, друзей и студентов именно так обычно называли Александра Даниловича), его общественный темперамент, широчайший спектр интересов, включавших на-

уку, искусство, литературу, педагогику, не позволяют разделить научные и биографические сведения о нём. Действительно, какое место должно занять главное увлечение А.Д. – горы с их завораживающей гармонией линий и красок, открывающейся только после трудных, на пределе возможностей, восхождений. А.Д. начал заниматься альпинизмом с 20-и лет, совершив восхождение на Суфруджу (Кавказ) и закончил свои горные походы восхождением в 1982 г., в год своего 70-летнего юбилея, на пик Панфилова на Тянь-Шане. И до последних дней – вернуться в горы – было его мечтой. Казалось, что и в его научных трудах проступает ритмика горных хребтов и отсвет снежных вершин. Куда отнести философию и обществоведение, главные предметы его исканий в 80-е годы? А история науки, предмет, которому он посвятил несколько научных трудов и считал его совершенно необходимым для формирования личности учёного? Всё это – тоже пространства его личности, пространства Александра.

Александров А.Д. родился 04.08.1912 в дер. Волынь, Рязанской губернии в родовом поместье, но с раннего детства жил в Петербурге, где его отец и мать преподавали в гимназии, до 1917 года именовавшейся гимназией Оболенской, затем переименованной в 16-ую единую трудовую школу. Кроме Александра в семье были ещё две дочери: Вера (1910–1989), в будущем – биолог, основатель отечественной геоботаники, и Мария (1914–2000), кандидат психологических наук, доцент ЛГУ. Отец, Даниил Александрович Александров (1879–1942), происходил из старинного дворянского рода, учился в Петербургском университете, за участие в студенческих волнениях исключался из университета, но всё же смог успешно его закончить. Мать, Елизавета Иосифовна Бартошевич (1888–1984), происходила из польского дворянского рода, окончила Педагогический институт.

Универсальная одарённость А.Д. проявилась очень рано. Окончив школу в 16 лет (попутно проучившись ещё год в художественной школе), он в 1929-м г. поступил на физический факультет Ленинградского университета, который окончил экстерном за 4 года по специальности «теоретическая физи-

А.Д. Александров. 1931 г.
Студент

ка». Необходимо отметить, что уже в самом начале творческого пути А. Д. очень повезло с научными руководителями. Ими стали самый выдающийся русский физик-теоретик двадцатого века академик Владимир Александрович Фок и блестящий геометр, член-корреспондент АН СССР Борис Николаевич Делоне. Очень большое влияние на А.Д. оказал и «патриарх» петербургской школы математической физики, академик Владимир Иванович Смирнов. Автор статьи студентом в начале 60-х годов слушал лекции и В.И. Смирнова, и В.А. Фока. Это была действительно самая высокая классика научного изложения.

Дипломную работу, выполненную в русле идей В.И. Фока по квантовой механике, А.Д. защитил на «отлично», но от рекомендации в аспирантуру отказался, сказав: «...я не могу поручиться, что я всегда буду делать то, что полагается». На это В.А. Фок сказал: «Вы слишком порядочный человек», а Б.Н. Делоне: «Александр Данилович, Вы слишком не карьерист».

Закончен университет, и наступило время выбора научного пути: или по стопам Б.Н. Делоне заниматься наукой о структуре пространства (геометрией в широком смысле), или вслед за В.И. Фоком теоретической физикой.

Лучший способ человека сказать о самом себе – это говорить о других людях. О своем учителе, Б.Н. Делоне, Александр Данилович пишет: «...в полётах на планерах собственной конструкции, а он в 18–19 лет сконструировал и сделал своими руками пять планеров и совершал на них полёты, проявился спортивный дух Бориса Николаевича, который вёл его и к достижениям в математике, и в альпинизме, ставшем его постоянным на всю жизнь занятием.

Но главное в нём всё же не спортивный дух, главное то, что он художник, служитель и создатель красоты. В молодости он занимался не только математикой, но и живописью, и музыкой, писал для фортепьяно, и даже колебался в выборе – станет ли он математиком, или, может быть, живописцем. Вот и к горам Бориса Николаевича влечёт не столько спортивный интерес, сколько их красота. И его отношение к математике – эстетическое... Хорошая музыка строится со строгой выдержанностью формы. В фугах Баха, как в алгоритме, заключена строжайшая последовательность.. И в строгой последовательности математических построений есть своя внутренняя музыка, своя красота – «жар холодных чисел»... Отсюда понятна и любовь к горам. Высокие горы – это величественные разнообразные фор-

мы – их геометрия, а также особые краски и живописность больших планов.. Горы – это гигантская скульптура, величественная архитектура, воздвигнутая самой природой, чтоб поднять взор и устремления человека к их неприступным вершинам. В них – призыв прибывающего величия и красоты, в них – природа и искусство, живопись красок и геометрия форм...».

Это – лишь маленький отрывок из воспоминаний о своём учителе, написанных А.Д. в восьмидесятые годы, когда уже наступило время осмысления собственного жизненного пути. Целью Александра Даниловича всегда было отыскание гармонии мира. Вероятно, именно это и определило выбор им научного направления тогда – в далёкой юности – науки о пространстве, геометрии.

Но в реальности жизнь складывается и из высоких устремлений, и из ежедневной рутины. Будучи студентом, А.Д. с декабря 1930 года по октябрь 1932 года работал в Государственном Оптическом Институте (ГОИ) в должности научно-технического сотрудника. В те годы в ГОИ по совместительству работали и В.А. Фок, и В. И. Смирнов, поэтому многие их студенты совмещали учёбу в университете с научной и практической работой в институте, что давало и возможность некоторого приработка. К этому времени относятся и написание А.Д. первых научных работ. В 1932 году он перешёл на работу в Физический институт ЛГУ, где работал в теоретическом отделе до 1936 года в качестве научного сотрудника. В 1933–1941 годах работал ассистентом (с 1937 года – и. о. профессора, с 1944 года – профессором) на математико-механическом факультете ЛГУ. С 1936 года перешёл полностью на работу по математике. В 23 года защищает кандидатскую, а в 25 лет – докторскую диссертации.

В эти годы А.Д. выполнено большое количество работ, посвящённых свойствам выпуклых поверхностей. Порой может казаться, что малопонятные для неспециалистов математические выкладки весьма далеки от практических нужд. Но, если вспомнить, каким чудовищным нагрузкам подвергается обтекатель ракеты или крыло самолёта, арка высотной плотины или корпус торпеды, становится понятным значение работ по свойствам поверхностей. За эти работы А.Д. Александров был удостоен в 1942 году Сталинской премии. В те дни молодой учёный рвался из Казани, куда он был эвакуирован из Ленинграда вместе с университетом, на фронт. Он стремился в войска, оборонявшие горы Кавказа, где были бы полезны его альпинистские навыки, но получил отказ – учёные были нужнее в тылу.

Просматривая список работ А.Д., выполненных в военные годы, можно лишь удивляться трудоспособности и последовательности учёного. Недаром в 1946 году он был избран член-корреспондентом АН СССР.

К сожалению, в прекрасных воспоминаниях об А.Д. Александрове, выпущенных в 2012 году к 100-летию со дня его рождения, очень мало материалов, относящихся к годам войны. Многие его ученики были призваны в армию и погибли на фронте. Среди них самые талантливые и, наверное, самые любимые – И. Либерман и С. Оловянишников. Их памяти А.Д. через много лет посвятил очерк «Настоящие люди».

После возвращения в родной город А.Д. был назначен профессором кафедры геометрии в университете. Снова рядом с ним его любимые учителя – академики В.И. Смирнов и В.А. Фок. Б.Н. Делоне к тому времени был переведён вместе с Академией наук в Москву, в Математический институт им. В.А. Стеклова. В Ленинградском отделении этого института (ЛОМИ) с 1938 до 1953 по совместительству проработал и А.Д. Александров. Этот институт стал местом работы А.Д. после двадцатилетнего расставания с родным городом.

Последним аспирантом Александра Даниловича в ЛОМИ с 1987 г. был Г.Я. Перельман, будущая звезда ленинградской математической школы. В 2006 г. Г.Я. Перельману удалось доказать гипотезу Пуанкаре – «задачу тысячелетий». Гипотеза Пуанкаре являлась одной из наиболее трудных задач топологии. Этот результат был получен на основе методов геометрической школы Александрова. За решение гипотезы американский Институт Клэя назначил премию в миллион долларов. Г.Я. Перельман – человек, поразивший математический мир своими способностями, – отказался от получения денежной премии. Для него, как и для его учителя, научное знание бесценно и не нуждается в денежном эквиваленте.

Но вернёмся в послевоенные годы. Одним из наиболее ценных результатов работы учёного считается создание собственной научной школы. Каким бы талантливым и работоспособным он сам ни был, перспективное научное направление требует коллективных усилий, привлечения новых молодых кадров для дальнейшего развития. Одним из первых начинаний А.Д. после возвращения в Ленинград стала организация в университете в 1945 году геометрического семинара. В.А. Залгаллер, первый староста этого семинара, только что демобилизованный из армии, вспоминал о тех днях, «*А.Д. постоянно внушал самооценку познания и*

единства науки. Он заражал интересом к широкой тематике, которой владел». Из этого семинара вышла блестящая плеяда учёных. Сам В.А. Залгаллер защитил докторскую диссертацию и стал лауреатом Сталинской премии. Лауреатом Ленинской премии и академиком РАН стал А.В. Погорелов; Ю.Г. Решетняк – академик РАН, работает в Математическом институте в Новосибирске. Можно назвать ещё много других учёных, профессоров и докторов наук, вышедших из этого семинара и вырастивших своих собственных учеников, так что «геометрическая» школа А.Д. Александрова живёт в современной науке.

Чтобы заинтересовать других, особенно молодых исследователей своей научной проблематикой, печатные работы учёного должны быть максимально доступными для понимания. А.Д., влюблённый в литературу, был и в научных трудах блестящим стилистом, для него были важны и результат, и форма его представления.

Сразу после войны, в 1945 – 1946 годах появляется более двадцати его фундаментальных работ в области геометрии поверхностей, и в 1946 году 34-х летнего А.Д. Александрова избирают членом – корреспондентом АН СССР.

Немного об обстановке в стране в те годы. Первое послевоенное десятилетие в СССР вошло в историю как период «позднего сталинизма», сохранявшего в себе и «сталинские», диктаторские методы управления, и первые попытки приспособить систему к послевоенной реальности, что требовало реформирования.

Главной задачей экономики было восстановление разрушенного войной хозяйства страны. Восстановление шло обычными сталинскими административно-командными методами: сверхнапряжённым трудом, в том числе и управленческого аппарата, и обширным использованием принудительного труда заключённых; людей, вернувшихся из плена; военнопленных. Таковых было около 10 миллионов человек, Экономика была предельно милитаризована – ждали новой войны, население жило в очень примитивных бытовых условиях.

В 1945 году СССР обладал гигантской армией в 11,2 миллиона человек. К 1947 году было демобилизовано более 8 миллионов человек, что резко изменило социальный облик и менталитет общества. Миллионы людей прошли войну, побывали за границей и увидели другой мир. Появилось достоинство народа-победителя. В эти годы существенно усложнилась международная обстановка. Западные страны напрямую шантажировали СССР примене-

нием атомного оружия. Требуя, например, вывода советских войск из Ирана, США угрожали атомной бомбардировкой Москвы. Это поставило перед руководством СССР задачу скорейшего создания собственного атомного оружия. В 1945–1949 гг. от решения этого вопроса зависело само выживание советского государства. Для реализации этой цели в 1945 году был создан особый орган – Спецкомитет во главе с Л.П. Берией, наделённый чрезвычайными полномочиями. В Спецкомитет вошли лучшие физики-ядерщики страны (Капица, Курчатов, Сахаров и др.), военные руководители, разведка. Несмотря на огромную сложность задачи, СССР в течение всего четырёх лет создал собственное ядерное оружие, что сделало готовившееся ядерное нападение на СССР бессмысленным. Деятельность Спецкомитета была продолжена и после 1949 года. В 1953 СССР провёл испытания собственной термоядерной (водородной) бомбы. Одновременно шла успешная разработка баллистических ракет с ядерными зарядами.

В 1946 – 1953 годах в государстве наметился отход от диктатуры пролетариата в сторону общенародного государства, началась медленная «дебольшевизация» страны. Новым явлением стало сближение И.В. Сталина с прагматичными и «буржуазно мыслящими» соратниками Л. Берия и Г. Маленковым. Прежние соратники «большевистской» закваски (Молотов, Каганович, Ворошилов и др.) были отодвинуты Сталиным от рычагов управления.

Отражением развернувшейся на этой почве внутрипартийной борьбы стали пресловутое «ленинградское дело» и «дело врачей».

Но сложность и противоречивость внутренней обстановки никак не отменяли необходимости решения задач быстрого восстановления и развития страны. Известно, «кадры решают все», поэтому были востребованы люди, которые, по выражению вождя, «могут дело делать», а не только болтать с трибун или строчить доносы. Так, в 1951 году на должность ректора Московского университета назначен выдающийся русский математик, академик И.Г. Петровский, мало того, что беспартийный, но, притом, и верующий человек. Его вклад в развитие Московского университета трудно переоценить. Выдвижение новых, способных людей вне зависимости от «анкеты» на самые ответственные должности стало тенденцией тех лет.

В те годы Ленинградский университет переживал глубокий кризис. Гибель многих учёных во время войны и блокады, развернувшаяся в конце сороковых борьба с космополитами и «Ленинградское дело» обернулись увольнением, арестом и гибелью

десятков профессоров, закрытием целых научных направлений, административным хаосом. В 1950 году был расстрелян А.А. Вознесенский, занимавший пост ректора с 1941 по 1947 год. После череды ректоров-однодневок пост ректора ЛГУ занял крупный учёный в области материаловедения, чл.-корр. АН СССР А.А. Ильюшин, тоже из категории людей, умеющих «делать дело», работавший до этого директором Института математики и механики МГУ, а в 1947–1950 годы – зам. директора по научной работе НИИ-88 Министерства общего машиностроения СССР (заведующим конструкторским отделом там был С.П. Королёв).

Ректорство А.А. Ильюшина проходило в сложной обстановке, в университете продолжались возглавляемые зав. кафедрой дарвинизма ЛГУ И.И. Презентом гонения на биологические науки. А.А. Ильюшину удалось так направить ход научной работы, что через год тот был вынужден подать заявление об уходе по собственному желанию. Уволенные под нажимом И.И. Презента сотрудники ЛГУ были восстановлены на работе (по свидетельству ученика А.А. Ильюшина – В.Н. Кузнецова, после этого портрет Ильюшина висел у биологов «вместо Дарвина»). Но в 1952 г. в рамках «атомного проекта» А.А. Ильюшин был назначен заместителем научного руководителя и главного конструктора конструкторского бюро Министерства среднего машиностроения СССР (легендарный Арзамас-16, ныне РФЯЦ-ВНИИЭФ).

Пост ректора ЛГУ было предложено занять одному из самых молодых чл.-корр. АН СССР – А.Д. Александрову. Сын Александра Даниловича, Даниил Александрович писал в воспоминаниях об отце: *“Когда его вызвали в Москву и проводили с ним беседу, он сказал: «У меня есть один крупный недостаток». «Какой?» – спросили у него. «Я мало управляю, я стараюсь делать то, что считаю нужным». «Ну, мы с этим разберёмся», – сказали ему спокойно в Москве. И назначили ректором.*

На момент назначения Александрову сорок лет. Он стал самым молодым ректором в истории Университета, но в его жизни всё приходило очень рано. В 24 года – доктор наук, в 30 лет – лауреат Сталинской премии, член-корр. АН СССР – в 34 года, ректор – в 40 лет. Сумасшедшая карьера, тем более удивительная, что А.Д. Александров – человек с небезупречной анкетой – он потомственный дворянин, на стенах рабочего кабинета развешаны портреты предков. А ещё – мастер спорта по альпинизму, а ещё и англоман – на досуге переводит Шекспира.”

Обращают на себя внимание общие черты ректоров двух основных университетов страны. Оба – выдающиеся математики, и оба – поклонники прекрасного – живописи, музыки, литературы. Как А.Д. Александров, так и И.Г. Петровский уделяют большое внимание проблемам довузовского образования. И.Г. Петровский был одним из инициаторов организации курсов повышения квалификации для учителей средних школ, учреждения заочной математической школы и школы-интерната при МГУ. Аналогичные работу проводит А.Д. в Ленинграде – организация первого в стране «народного университета» при ЛГУ, где лекции читали лучшие учёные, написание учёными школьных учебников (автором серии учебников по геометрии для школы, совершенно новаторских для того времени, стал сам А.Д.), непосредственная работа со школьниками в стенах университета. Автор статьи является обладателем диплома победителя олимпиады по математике для школьников 1954 г., подписанного ректором университета А.Д. Александровым, после чего последовало и приглашение в математический кружок при математико-механическом факультете.

Основной целью А.Д. стало превращение университета в научно-образовательный центр в противовес господствовавшей тогда тенденции превращения университетов в аналоги педагогических ВУЗов, а научные исследования сосредоточить в специализированных НИИ. Позиция А.Д. основывалась на понимании того, что будущие научные кадры могут готовиться только под руководством ведущих учёных в условиях совместной научной работы на кафедрах. Дальнейшая ступень научного роста – аспирантура и подготовка диссертационных работ – ещё в большей степени требовала тесных индивидуальных научных контактов аспирантов и руководителей. В годы ректорства А.Д. в университете появляются десятки новых кафедр, организуются научно-исследовательские институты и лаборатории, ориентированные на новые, перспективные исследования. Чтобы наладить полноценную научную работу, в университет приглашаются крупнейшие учёные страны, налаживается работа аспирантуры. Расширяются общежития для иногородних студентов. Происходит оснащение кафедр и лабораторий новым оборудованием. Очень много делается для расширения контактов с образовательными и научными центрами в нашей стране и за рубежом.

Всё это требовало планомерной ежедневной работы, постоянных, порой очень непростых контактов с местными и московскими властями. Что помогало ему в решении бесчисленного ко-

личества подобных вопросов – твердая убежденность в своей правоте, энциклопедическая образованность и феноменальная память, блестящие способности полемиста или глубокое обаяние человеческой личности? Наверное, всё вместе. За годы ректорства А.Д. университет превращается в современный научно-образовательный комплекс, выпускающий свой журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета» в многочисленных сериях по различным отраслям знаний.

Вектор развития университета Александр Данилович видел в создании возможностей наиболее полного взаимодействия учёных различных специальностей. В настоящее время такие направления, как искусственный интеллект, генная инженерия или информатика по своей природе являются комплексными. Например, предмет исследования может относиться к биологии, аппаратура для исследований строится на основе методов физики или химии, при расшифровке результатов используются математические методы, а при интерпретации – психология или философия. Характерной чертой мировоззрения Александра Даниловича было ощущение науки как единого организма, в котором одинаково важны физика и математика, химия и биология, философия и лингвистика. Отставание в одной, отдельной науке, приводит к разрыву всего фронта научных исследований. Отсюда и всемерная поддержка в университете «буржуазных псевдонаук» – кибернетики и генетики, что приводило к острым конфликтам с партийным руководством. На работу в университет приглашались опальные и вернувшиеся из заключения учёные, как, например, выдающийся востоковед, историк, этнолог и философ Лев Николаевич Гумилёв, и многие другие. Для взаимного обмена мнениями по наиболее острым дискуссионным вопросам проводились общеуниверситетские семинары при участии учёных различной специализации. Это совершенно не вписывалось в политику «единой линии», определяемой идеологическими соображениями, Александр Данилович в те годы ведёт и большую общественную работу. Он избирается депутатом Верховного Совета РСФСР 5-го созыва (1958–1962 гг.). В 1961 году А.Д. Александров воздержался при голосовании закона, вводящего смертную казнь за валютные операции с приданием этой норме обратной силы. Это было единственным зафиксированным в истории случаем не единогласного голосования на пленарных заседаниях доперестроечных Верховных Советов СССР и РСФСР (1937–1985 гг.). Рекорд, достойный Книги Гиннеса. Он обещал при назначении ректором – «делать то, что считаю нужным» – и своё

А.Д. Александров с женой
Марианной Леонидовной и детьми
Дашей и Даниилом

слово сдержал. А про то, как «мы с этим разберёмся» — ещё впереди.

А.Д. Александров всю свою жизнь придерживался коммунистического мировоззрения в декларируемых марксистами идеалах разумности и справедливости, но при этом он понимал порочность политической системы СССР и не скрывал своего отношения к ней.

При огромной занятости А.Д. оставался доступным и для профессоров, и для студентов.

Он принимал всегда, когда выдавалась свободная минута, стараясь помочь всем, кто обращался к нему за помощью, будь то общественная или личная просьба. Об этом хорошо знали студенты, учёные, сотрудники. Эта черта характера просвечивает почти во всех воспоминаниях, написанных его коллегами и друзьями.

Для меня первым годом в университете был 1958 г. Вчерашний школьник вдруг попадает в совершенно новый мир. И сегодня, через шестьдесят лет, я почти физически ощущаю воздух свободы того времени. Сейчас я знаю, что на факультете были «стукачи», что некоторые преподаватели писали доносы на студентов, но тогда мы не боялись. В библиотеке университета открывались «спехраны», и запоем читались Ницше, Фрейд, Шопенгауэр. В Эрмитаже — первые выставки импрессионистов, кубистов, модернистов. В Филармонии зазвучали Шёнберг, Тищенко, Слонимский. А вечера поэзии с Евтушенко, Рождественским, Вознесенским!

*Любви весною первую, напевами крылатыми,
Космической эрою пришли шестидесятые.
Нас не купить на мишуру лукавым просветителям,
Играем мы в свою игру, мы — дети победителей.*

Во многом «с подачи» А.Д. в университете появился джаз-клуб, университетский театр не стеснялся в выборе репертуара, а на факультетских капустниках мало кто думал о цензуре. Свободное посещение занятий, возможность посещать лекции на других факультетах — у нас это было, а в других вузах — нет. Всячески

поощрялась работа студентов на кафедрах, научное творчество. Большинство крупных университетских учёных, которых я тогда знал, а позже и встреченных мною зарубежных, были людьми широкого круга интересов, куда всегда входила и музыка, и литература, и живопись.

В мире есть универсальные закономерности, и поэтому периодическая таблица приснилась Менделееву в каких-то гармонических образах. Александр Данилович стремился создать в университете возможности для всестороннего развития свободной личности учёного, способной к охвату проблемы «в целом». Только таким путём ищется решение сложных задач. И таков был сам Александр Данилович, и именно в подходе к «геометрии в целом» лежит ключ его научных достижений.

Студенчество тех лет по мировосприятию было созвучно своему ректору, поэтому такой горячий отклик находили его начинания. Среди физиков особенной популярностью пользовался альпинизм. Наверное, горные восхождения сродни борьбе с доказательствами и теоремами: упорный труд, радость победы, и новые вершины впереди. Для подготовки к летнему альпинистскому сезону команда университета выезжала на майские праздники в скальный район на севере Карельского перешейка на берегу озера Ястребиное. Пятнадцать километров пешком от станции через леса и болотца, и мы в сосновом лесу. Ставим палатки, проходим скальные маршруты, варим каши, а вечерами – песни и разговоры у костра.

И сегодня перед глазами наш сильный, властный и очень любимый ректор, рядом – его взрослеющая дочь Даша, ещё школьница, ловящая каждое слово отца. На любой наш вопрос – всегда очень ёмкий ответ. Не ответ – приговор, «закрывающий» тему и не зовущий к немедленной дискуссии, а побуждающий ещё раз вдуматься в проблему и самому искать ответы. Потрескивает костёр, светят звёзды, и, кажется, что слышна «музыка сфер», музыка гармонии мироздания.

Романы позволяют ставить точку в самый красивый момент развития сюжета. Поставленные цели во многом достигнуты, человек полон сил и планов, окружён единомышленниками и любящими друзьями. А дальнейшие годы хорошо бы вместить в краткий пересказ. В 1964 году А.Д. Александров. устав бороться с «верхами», покинул пост ректора, и уехал в Новосибирский научный центр – Академгородок, чтоб лишь через двадцать лет вернуться в родной город.

За перевалом

Я начну эту часть с глубокой благодарности дочери Александра Даниловича, Дарье Александровне, трепетное отношение которой к памяти отца передалось и автору, что определило несколько лирический характер этой работы. Особенно ценными оказались её замечания, относящиеся к последним десятилетиям жизни Александра Даниловича.

Из записи Александра Даниловича об одном из восхождений: *«Я вышел в степь и оглянулся. Далеко за грядами “Скалистого хребта” поднимались величественные и прекрасные снежные гиганты. Очертания их были чётки и ясны на фоне тёмно-голубого неба. Вот они запылали розовато-жёлтым светом, и по мере того как поднималось солнце, они загорались всё ярче и ярче и, наконец, стали белые, ярко-белые на фоне голубого неба, за зелёными и коричневыми склонами меньших гор. И когда я вижу перед собою эту картину, сердце наполняется радостным волнением. Это даже не музыка, это природа!»*. Горы остались – после переезда в Новосибирск, сговорившись, как правило, с прежними друзьями, А.Д. летом отправлялся на восхождения. Горы тоже его любили – именем А.Д.Александрова назван один из перевалов Кавказа.

После переезда несколько его учеников переехали с ним работать в Академгородок. Но Академгородок – это не Ленинград. Великая балерина А.Я. Ваганова, настаивая на сохранении расположения балетного училища в центре города, писала, что её ученицы, идя на занятия, впитывают красоту городских архитектурных ансамблей, и это – лучшее воспитание. Облик нашего города во многом определяет и характер людей, и их взаимоотношения. Автор бывал в Академгородке, говорил с сокурсниками, распределёнными туда после университета. Для работы – место отличное, ничто не отвлекает. Но не для жизни и не для общения. Структура военного городка. Во всём – служебная вертикаль. Жена полковника «главнее» жены капитана, дети генерала – «генералы» в школьном коллективе. Все и всё на виду: кто, куда, с кем и зачем. К тому же унижительная система распределения «продовольственных наборов» и прочих благ – по рангу. И довольно скромная, для человека масштаба А.Д. Александрова, должность заведующего кафедрой в университете.

В 1966 А.Д. Александров избирается академиком АН ССР. Весьма интересно, что по специальности «математика» было вы-

делено всего одно место, а вторым претендентом был его ровесник, выпускник Ленинградского университета, тоже ученик В.И. Смирнова, коллега А.Д. по работе в университете, будущий лауреат Нобелевской премии – Л.В. Канторович.

Л.В. Канторович был среди учёных «первого призыва» Сибирского отделения АН СССР и с 1960 года жил в Новосибирске. Там он создал и возглавил Математико-экономическое отделение Института математики СО АН СССР. Тогдашний председатель Сибирского отделения АН СССР и вице-президент Академии наук академик М.А. Лаврентьев добился выделения второго места, и оба ленинградца были избраны академиками в один и тот же день.

Активная жизненная позиция, желание и в Академгородке создать атмосферу, подобную оставленной в Ленинграде, не могли найти здесь должного отклика. Что позволялось ректору крупнейшего университета, своеобразной витрине советской науки во внешнем мире, было неприемлемо в заорганизованной структуре Академгородка. Выступления Е. Евтушенко, концерты бардовской песни позволялись, а затем порицались властями. Слово копили компромат.

В процессе написания этого очерка, перечитывая воспоминания коллег по работе и друзей А.Д., просматривая документы, относящиеся к этому времени, было трудно отделаться от впечатления о двойственности происходившего. С одной стороны – успешное продолжение научной работы, организация исследований в новом, основанном А.Д. Александровым, направлении математики – хроногеометрии. Появились ученики и последователи, работал научный семинар, писались статьи. Воздавалось должное научным достижениям.

С другой стороны, яркий общественный темперамент вовлекает его в различные общественные движения тех переломных для истории России лет. Оглядываясь на тридцатилетие назад, вспоминается судьба А.Д. Сахарова, тоже академика, трижды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской, Сталинской и Нобелевской премий. В 1980 году его лишили всех государственных наград за правозащитную, в самом широком смысле, деятельность. Ссылка в Нижний Новгород, «отлучение» от научной работы, возвращение в Москву при перестройке и – внезапная смерть от сердечного приступа в возрасте 68 лет после выступления на сессии Верховного Совета.

У Пушкина сказано, что гений и злодейство – две вещи несовместные. Но общественная деятельность, литература, да и нау-

ка вполне могут совмещаться и с подлостью, и с предательством. Опубликованные протоколы заседаний Президиума АН СССР тех лет, письма отдельных учёных показывают, насколько опасны были сделанные «с открытым забралом» выступления в защиту даже очевидных вещей или против вопиющих безобразий. Этим попыткам противостоял, да и порой противостоит, спаянный и хорошо организованный партийно-административный и научный аппарат. И по воспоминаниям тех лет видно, насколько пагубно всё это отражалось на здоровье Александра Даниловича.

Желание глубже познать устройство окружающего мира в те годы побудило Александра Даниловича вплотную заняться вопросами философии, социологии, истории науки и искусства, неким синтезом знаний. Это свидетельствует о понимании им невозможности строго рационального, математического описания природных и общественных явлений. Любая модель беднее описываемого явления. Поэтому никакая «цифровая» экономика и социологии или «доказательная» медицина на деле не будут реальными экономикой, социологией и медициной. Некие фантомы, и не больше. Наверное, в наше время это одни из наиболее актуальных результатов научного и общественного наследия Александра Даниловича. Очень близкие идеи высказывал и другой академик ленинградской научной школы – Л.В. Канторович.

К концу 70-х годов А.Д. начинает задумываться о возвращении в Ленинград. Его преследуют травмы и болезни: на горных лыжах он разрывает на ноге ахиллесово сухожилие и повреждает плечо, затем его укусил энцефалитный клещ, что не было вовремя обнаружено, тяжело болит повреждённая ранее в горах нога. В 1986 году он возвращается в Ленинград.

Но в университете его не ждут, в брежневские времена дух свободы – главное наследие А.Д. – уже не в чести. Его любимые учителя и соратники или ушли из жизни, или переехали в другие города. Он становится заведующим лабораторией в ЛОМИ – Ленинградском отделении математического института АН. Из воспоминаний дочери А.Д. Александрова, Медведевой Д.А.: *«Отцовские математические результаты в это время находят всё больший резонанс за рубежом, готовится собрание его сочинений на английском языке, выходит первый том, издаются учебники, не забыты новым правительством и увенчаны орденом его усилия в защиту генетики. Но распад страны, удручающее положение, в котором оказались наука и образование, воспринимаются им как личное несчастье. В брежневские времена он говаривал,*

что главный советский принцип – «let them die» – «чтоб они все сдохли» (о народе). Новая власть унаследует у советского строя именно то, что отец более всего в нём не переносил – циничное отношение к отдельному человеку. И в этом контексте провозглашённая ориентация на «права человека» будет им воспринята как ложь и лицемерие».

Состояние здоровья А.Д. всё ухудшалось, и 27 июля 1999 года его не стало. Покойится Александр Данилович на Богословском кладбище.

Его бюст установлен в главном здании СПбГУ (12 коллегий), мемориальная доска на здании Математического института в Академгородке в Новосибирске. По решению математического отделения РАН и Учёного совета СПбГУ должна быть установлена мемориальная доска и названа улица в его честь в Санкт-Петербурге.

Эту статью я хочу закончить словами соученицы по университету, в то время – аспирантки философского факультета и секретаре университетского комитета комсомола, – Иконниковой С.Н. о «Человеке Чести, Достоинства и Порядочности, Человеке Доверия», об А.Д. Александрове.

«Мне и сейчас кажется, что А.Д. где-то совсем рядом, на какой-то другой планете переживает вместе с нами все события и посылает советы и пожелания. Жаль, если их не слышат. Александр Данилович осветил своим оптимизмом многие души, он глубоко верил в могущество России и её будущее».

Санкт-Петербург